

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1920](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1920)

Н. П. Космарская, В. М. Пешкова, И. С. Савин

МОСКВА — ГОРОД КОНТАКТОВ? ФОРМАТЫ И МАСШТАБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОСКВИЧЕЙ С МИГРАНТАМИ

Правильная ссылка на статью:

Космарская Н. П., Пешкова В. М., Савин И. С. Москва — город контактов? Форматы и масштабы взаимодействия москвичей с мигрантами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 248—271. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1920>.

For citation:

Kosmarskaya N. P., Peshkova V. M., Savin I. S. (2022) Is Moscow a City of Contacts? Formats and Scale of Muscovites' Interaction with Migrants. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 248–271. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1920>. (In Russ.)

МОСКВА — ГОРОД КОНТАКТОВ? ФОРМАТЫ И МАСШТАБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОСКВИЧЕЙ С МИГРАНТАМИ

КОСМАРСКАЯ Наталья Петровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: kosmarskis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0122-3375>

ПЕШКОВА Вера Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

САВИН Игорь Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: savigsa@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>

IS MOSCOW A CITY OF CONTACTS? FORMATS AND SCALE OF MUSCOVITES' INTERACTION WITH MIGRANTS

Natalya P. KOSMARSKAYA¹ — *Cand. Sci. (Econ.)*, Senior Research Fellow

E-MAIL: kosmarskis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0122-3375>

Vera M. PESHKOVA² — *Cand. Sci. (Hist.)*, Senior Research Fellow

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

Igor S. SAVIN¹ — *Cand. Sci. (Hist.)*, Senior Research Fellow

E-MAIL: savigsa@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье изучаются масштабы и форматы взаимодействия принимающего населения столичного мегаполиса с мигрантами как «видимыми другими» в различных социальных контекстах (соседство, дружба, профессиональные контакты). На основе анализа материалов анкетного опроса 452 жителей Москвы, проведенного в декабре 2020 г., предпринимается попытка рассмотреть взаимодействие «местных» и «приезжих» в нескольких аспектах. Во-первых, это основные социальные сферы и ситуации, в кото-

Abstract. The authors set out to study the extent and formats of interaction between the host population of a metropolitan city and the “visible others” in various social contexts (contacts as friends, neighbors, colleagues, etc.). Based on the analysis of the survey of Moscow residents ($N = 452$) conducted in December 2020, the authors examine the interaction between locals and newcomers from several perspectives. Firstly, these are the main social spheres and situations in which such contacts most often occur and how Muscovites assess

рых чаще всего происходят такие контакты, и оценка этого взаимодействия москвичами. Во-вторых, это восприятие степени близости/отчужденности по отношению к выходцам из различных стран/регионов (Закавказье, Центральная Азия, республики Северного Кавказа). Наконец, по результатам проективной части исследования проанализировано отношение горожан к возможным контактам с «видимыми другими» в разных жизненных ситуациях: от появления таких людей в качестве соседей, коллег, начальника до выбора их в качестве друга, супруга.

Ключевые слова: социальная дистанция, население Москвы, мигранты, «видимые другие», контакты с мигрантами, отношение к миграции, ксенофобия, Центральная Азия, Закавказье, Северный Кавказ

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31684 (2020—2021 гг.).

Введение

Активизация международных трудовых миграций в направлении с глобального Юга в развитые страны глобального Севера начиная со второй половины XX века актуализировала проблему взаимодействия «местных» и «пришлых» в принимающих государствах. Отношение к мигрантам, вызванные их появлением страхи, фобии, потенциал конфликтности — все это стало важнейшим направлением исследований, наряду с поиском факторов, определяющих уровень этой конфликтности и, соответственно, указывающих на возможности и способы ее снижения.

Проблемы негативизма по отношению к «некоренным», которые зачастую одновременно воспринимаются и как этнически/культурно «другие», имеют непреходящую актуальность и в постсоветской России — стране, жители которой постоянно сталкивались с различными волнами беженцев, вынужденных переселенцев, трудовых мигрантов из постсоветских стран. Нельзя забывать и о внутренней миграции, в том числе и из республик Северного Кавказа. В России число регистрирующихся на новом месте жительства в 2000-е годы колебалось вокруг 2 млн человек ежегодно; в следующем десятилетии этот показатель вырос из-за

this interaction. Secondly, these are features of their assessment of the degree of closeness to and alienation from the migrants from different countries/regions (Transcaucasia, Central Asia, republics of the North Caucasus). Finally, according to the projective part of the study, the inclination of city dwellers to possible contact with “visible others” in different everyday situations was analyzed: from the appearance of such people as neighbors, colleagues, and bosses to choosing them as friends and spouses.

Keywords: social distance, host populations of Moscow, migrants, “visible others”, contacts with migrants, attitudes towards migration, xenophobia, Central Asia, Transcaucasia, North Caucasus

Acknowledgments. The study was funded by RFBR and EISR, project number No. 20-011-31684 (2020–2021).

изменений в порядке учета, достигая в отдельные годы 4 млн человек [Козлова, 2015: 111]¹.

В результате в крупных городах страны обосновалось довольно много людей, выглядящих в глазах принимающего населения как «видимые другие» [Дробужева, 2015: 82]. Они нередко воспринимались сквозь призму конкурентной и культурной угрозы, чему в немалой степени способствовала тональность материалов СМИ и публичных дискуссий. Проблема «видимых других» еще больше актуализировалась вследствие активизации трудовой миграции из стран Центральной Азии в начале — середине 2000-х годов. Основная миграционная нагрузка легла на столичные и крупные города. По оценкам специалистов по миграции, основной приток приезжих из Центральной Азии, с Северного Кавказа и государств Закавказья пришелся на Москву и в целом на московскую агломерацию [там же].

Скрытая от постороннего глаза конфликтность на низовом уровне то и дело дает о себе знать громкими инцидентами (в том числе и криминальными), связанными с мигрантами. Не случайно общественное и экспертное мнения сходятся в том, что наиболее распространенная форма ксенофобии — мигрантофобия [Мукомель, 2017].

Принимающее население России нередко включает в категорию «мигрантов» не только людей, прибывших из Закавказья и Центральной Азии, но и российских граждан, визуально отличных от большинства [Зверева, 2014; Пешкова, 2017]. Это обстоятельство проблематизирует отношения между россиянами и «мигрантами» сквозь призму представлений об этнически/культурно «своих» — «чужих», что серьезно осложняет интеграционные процессы в обществе. Следовательно, важной научной и прикладной задачей оказывается изучение в российских условиях специфики действия уже апробированных в западной науке и социальной практике механизмов, снижающих уровень негативизма и тревожности по отношению к тем, кого население считает «чужими» или «несущими угрозу». Непосредственное общение с мигрантами в соответствии с комплексом идей, составляющих «контактную теорию», — один из таких механизмов.

«Контакты» как противоядие от мигрантофобии: современные концептуализации контактов с «чужими»

Последствия появления «чужих» в прежде моноэтнических/монокультурных городских сообществах, вызванные этим появлением страхи и фобии местных жителей и, соответственно, конфликты между «своими» и «чужими» давно превратились в мировой науке в одну из ведущих тем социальных исследований. В поисках «противоядия» от мигрантофобии ученые разных стран обратились в том числе к изучению контактов между мигрантами и принимающим населением.

С дисциплинарной точки зрения такие исследования проводились в двух направлениях. У истоков первого из них, основанного на использовании экспериментальных методов социальной психологии, стоит Г. Оллпорт [Allport, 1954]. Его работу по изучению роли контактов в гармонизации межэтнических/межрасовых

¹ См. также: Кузнецова Е. Росстат назвал регионы с наибольшим оттоком населения // РБК. 2021. 25 августа. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/08/2021/611f9d769a7947f0341ce0ec> (дата обращения: 30.09.2021).

отношений продолжили многочисленные ученики и последователи² (см., например, [Tropp, Pettigrew, 2005]).

Второе направление — социологическое, развивалось в русле поиска и проверки на крупных выборках тех факторов, которые могли способствовать снижению уровня ксенофобии. На роль подобных факторов в западной научной литературе, кроме структурных, описывающих состояние общества, и социально-демографических характеристик индивида, тестировались также те его/ее особенности, которые влияют на отношение к этнокультурным «другим», в том числе мигрантам. Речь идет о свойствах личности (*attitudinal factors*) — доверии к людям, готовности к проживанию в мультиэтнической среде, к общению с представителями разных рас и культур. С точки зрения «контактной теории» любые формы общения с мигрантами (соседские, профессиональные, дружеские и пр.) делают восприятие последних принимающим населением хотя и в разной степени, но более толерантным.

В рамках социологического направления изучения контактов с мигрантами создано уже достаточно много работ. На европейском материале, собранном в разных странах количественными методами и затем обработанном на основе многомерных статистических моделей, значимость контактов с мигрантами для снижения уровня ксенофобии фиксируется довольно давно [Hamberger, Hewstone, 1997; Hayes, Dowds, 2006; Escandell, Ceobanu, 2009; Bevelander, Otterbeck, 2010; Heath et al., 2019].

В западных работах не только статистически обосновывается сам факт наличия описанной закономерности, но изучаются и содержательные аспекты темы:

- обстоятельства, которые способствуют или препятствуют контактам;
- степень их влияния на отношение к мигрантам у разных категорий населения;
- связь между склонностью индивида к контактам и другими его/ее характеристиками (уровень образования, система ценностей и др.).

Анализируются условия, повышающие эффективность воздействия этих контактов на общественные настроения, в частности касающиеся национальной идентичности граждан [Hamberger, Hewstone, 1997; Böltken, 2003; Martinović, 2013; Green, Visintin, Sarrasin, 2018].

Социологи изучали не только разные формы реально существующих контактов между мигрантами и принимающим населением, но и, в проективном разрезе, готовность последнего к такого рода взаимодействию с «другими». Одним из самых известных и эффективно работающих инструментов по изучению потенциальных контактов считается шкала социально-культурной дистанции Э. Богардуса. Общий вывод инициированных им в 1920-е годы исследований состоял в том, что обычно люди комфортнее чувствуют себя с теми, кого воспринимают в качестве таких же, как «мы», похожих на «нас» (см., например, [Wark, Galliher, 2007]). Разработанная ученым шкала состоит из серии вопросов (в различных формулировках: «готовы ли вы...?», «хотели бы вы...?»), направленных на выявление готовности принять человека из другой социальной (этнической) группы в качестве супруга, друга, соседа, коллеги, начальника, гражданина своей страны и пр.

² Их научные поиски подробно описаны в обзоре Е. Варшавера [Варшавер, 2015].

В российских социальных исследованиях шкала Богардуса часто используется в различных модификациях. Например, по данным недавнего общероссийского опроса, в регионах с полиэтничным составом населения уровень социальной дистанции ниже, чем в моноэтнических регионах с доминированием русских [Щеголькова, 2020]. Этот метод применялся также при анализе анкет, собранных в 2015—2016 гг. в 39 городах России в рамках проекта «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений», авторы которого выявили зависимости межнациональных установок респондентов от особенностей их социальных характеристик [Кузнецов, 2017: 82—92].

Собственно проблема контактов принимающего населения с «видимыми другими» — речь идет о состоявшихся, реальных контактах, а не о возможных и готовности к ним, — изучена на российском материале весьма слабо. В ряде работ о масштабах ксенофобии/мигрантофобии, основанных на данных общероссийских или региональных опросов, описанная закономерность кратко фиксируется — люди, имевшие мало контактов с мигрантами, обычно оказываются носителями более стойких антимиграционных стереотипов, и наоборот. Тем самым на российском материале подтверждается в самом общем виде базовый постулат контактной теории: больше общения — меньше предубеждения. Так, в статье о ситуации в Екатеринбурге отмечается: «Чем шире круг контактов с мигрантами, тем чаще отношения личной дружбы с ними рассматриваются как приемлемые, больше видов помощи, которую готовы предоставить им жители города» [Бритвина, Могильчак, 2018: 123].

Имеющиеся данные о масштабах общения жителей российских городов с мигрантами отрывочны и достаточно противоречивы. Опрос, проведенный в 2013 г. РОМИР в рамках международного проекта NEORUSS³, показал, что 47,2% респондентов в Москве «не имеют никаких контактов с мигрантами». Еще 32% респондентов выбрали опцию «покупаю у мигрантов продукты, товары; в этом случае, как правило, не знаколюсь». В итоге 79,2% опрошенных в Москве в целом не считали, что имеют опыт личного общения с мигрантами.

Опросы в Томске в тот же период (июнь 2014 г., сентябрь 2015 г.) показали иную картину. Около трети респондентов имели регулярные контакты с мигрантами (от ежедневных до ежемесячных), при этом авторы опроса не уточняли, о каких контактах идет речь [Нам и др., 2017: 187].

Единственной известной нам работой, прицельно посвященной проблеме контактов россиян с мигрантами в российском городском контексте, является статья Н. Соколова [Соколов, 2017]. В ней анализируются результаты двух телефонных опросов населения Санкт-Петербурга (2010 и 2016 гг.) о «распространенности публичных и частных контактов горожан с мигрантами, а также об отношении к мигрантам, которых петербуржцы наблюдали и с которыми контактировали в разных ситуациях» [там же: 81]. Несмотря на наличие ряда интересных выводов,

³ Международный проект, в котором принимали участие авторы статьи, назывался «Национальное строительство, национализм и новый „другой“ в современной России» и был реализован при поддержке Исследовательского Совета Норвегии (2013—2016, № 220599). Проект охватил Москву, Краснодар и Владивосток и опирался на массовые опросы, проведенные исследовательским холдингом РОМИР по заказу организаторов проекта в 2013 г. в трех городах (600 человек), а также по общероссийской выборке (1300 человек).

представленное в статье исследование довольно узкое: под «приватными контактами» имеются в виду трудноопределимые «разговоры», а «разные ситуации» контакта сводятся к частному найму мигрантов.

С учетом практической значимости темы, а также состояния ее изученности в России, авторами было проведено комплексное, основанное на взаимодействующем эффекте количественных и качественных методов⁴ исследование контактов с мигрантами как фактора воздействия на уровень ксенофобии. Его целью стало изучение масштабов, форматов и трудностей взаимодействия принимающего населения Москвы с мигрантами разной этнической принадлежности в разнообразных ситуациях (дружба, соседство, профессиональные контакты и др.), а также изучение готовности москвичей к контактам и их представлений о возможных/желаемых результатах подобного общения. Объектом исследования стали люди, родившиеся в Москве или живущие здесь достаточно долго (семь лет и более), имеющие постоянную регистрацию, жилье и работу.

Предлагаемая статья основана на материалах, собранных в ходе опроса москвичей и является первой публикацией результатов названного исследования. Мы постараемся ответить на три основных вопроса:

1) каковы основные социальные сферы, в рамках которых жители Москвы чаще всего контактируют с иноэтничными мигрантами;

2) как москвичи оценивают степень близости/отчужденности по отношению к определенным группам мигрантов — своих контрагентов по общению;

3) как горожане воспринимают перспективу общения с мигрантами в разных жизненных ситуациях — от появления таких людей в качестве соседей, коллег, начальника до выбора их в качестве своего друга, супруга, друга своих обучающихся в школе детей или внуков.

Методология и методика исследования

Из-за эпидемиологических ограничений опрос был проведен в онлайн-формате. На наш взгляд, в сложившейся обстановке подобный формат был единственно возможным способом выполнить количественную программу исследования в рамках ограниченного времени, выделенного на реализацию проекта. Кроме того, в ряде экспериментальных работ показано, что данные, собранные в ходе онлайн-опросов, не отличаются от результатов, полученных при применении «классического» метода поквартирного обхода и личного анкетного интервью (см. [Некрасов, 2011: 73; Шкурин, 2015: 103]). Поэтому мы полагаем, что собранные данные позволяют делать обоснованные выводы относительно задач исследования, тем более что эти выводы также проверялись с помощью информации, полученной в ходе глубинных интервью.

Опрос проводился в декабре 2020 г. Основным критерием отбора респондентов была их продолжительность проживания в Москве — от семи лет и больше. Выборка сформирована на основании статистических данных о распределении населения Москвы в соответствии с основными социально-демографическими параметрами (пол, возраст, образование) на 1 января 2020 г. Выборка составила

⁴ Опрос москвичей и серия полуструктурированных интервью с жителями города, а также экспертные интервью.

452 человека. Ошибка выборки — 4,5 %. Территориально респонденты распределены по всем округам столицы. Выборка получилась почти мононациональной — около 90 % респондентов ответили, что считают себя русскими. Это соответствует данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г., по которым среди указавших свою национальность москвичей 91,65 % составляли русские. Обработка полученных данных проводилась в программе SPSS.

Анкета состоит из четырех тематических блоков. Первый блок дает представление о социально-демографических характеристиках опрошенных: пол, возраст, образование, продолжительность проживания в Москве; сфера занятости, материальное положение; оценка удовлетворенности имеющейся работой и материальным благосостоянием, а также оценка изменений в материальном статусе в течение последнего года. Второй блок охватывает вопросы относительно основных сфер взаимодействия москвичей с мигрантами разного этнического происхождения (дружеское, родственное, соседское, профессиональное общение; контакты при предоставлении мигрантами платных услуг). Этот блок предназначен только для тех, у кого имеется опыт реальных контактов в названных сферах. Третий блок, предназначенный для всех участников, содержит вопросы о ситуациях гипотетического взаимодействия москвичей и приезжих. Наконец, завершающими стали несколько вопросов об отношении москвичей к мигрантам и к миграции в целом.

При составлении анкеты, рассчитанной на самозаполнение, важной методологической задачей стало максимально четкое описание объекта исследовательского интереса — такое, которое не вызывало бы разночтений и сомнений у разных участников опроса. Иными словами, как назвать в анкете тех людей, чьи контакты с москвичами интересовали организаторов опроса в первую очередь? В качестве такого объекта мы определили часть московских жителей, называемую «видимыми другими». Нами учитывалась отмеченная выше важная особенность российской миграционной ситуации — в категорию «мигрантов» массовое сознание часто включает не только давних и недавних выходцев из Закавказья и Центральной Азии, преобладающих среди международных мигрантов, но и российских граждан, визуально отличных от большей части принимающего населения. В случае контактов с мигрантами именно в столичном мегаполисе в первую очередь имеются в виду представители автономий Северного Кавказа.

Похожий подход в интерпретации понятия «мигранты» на уровне исследовательского языка применен в работах Е. Варшавера и его коллег, но он представляется нам чрезмерно суженным [Варшавер и др., 2020]. Так, в качестве мигрантов этими учеными рассматриваются «иностранцы и бывшие иностранцы, вне зависимости от гражданства, а также их дети — вне зависимости от гражданства и места рождения...» [там же: 230]. Далее говорится, что в фокусе внимания исследователей «...не все иностранцы, а этнические мигранты — то есть те, кто воспринимается немигрантами в качестве культурно отличных» [там же: 231].

По нашему мнению, реализация этого подхода в полевой практике может привести к тому, что от внимания как исследователей, так и информантов ускользнут важные составляющие группы «видимых других». Во-первых, это принадлежащие к разным поколениям выходцы из республик Северного Кавказа, которые «ино-

странцами» никак не являются, но в восприятии населения окутаны шлейфом негативной стереотипизации в качестве «кавказцев». Во-вторых, это весьма многочисленная категория выходцев из трех республик Закавказья, оказавшихся на территории современной России по разным причинам (учеба, работа, служба в армии, переезд с родителями и пр.) еще в советское время. Их также нельзя отнести ни к иностранцам, ни к «бывшим иностранцам», но населением они нередко воспринимаются как «визуально» и «культурно отличные» независимо от того, сколько лет они прожили в России и насколько глубоко интегрированы в российский социум.

Имеющиеся в литературе другие варианты «вербализации объекта оценивания» [Соколов, 2017: 84] также представляются не вполне удачными. При организации в Санкт-Петербурге телефонного опроса, нацеленного на выяснение масштабов и характера контактов между местными жителями и мигрантами (2016 г.), исследователями был выбран следующий вариант представления респондентам той группы людей, отношение к которой планировалось изучить: «Опрос посвящен миграции и мигрантам, приехавшим в Санкт-Петербург». И далее: «Под мигрантами мы будем понимать всех, кто приехал в наш город и отличается от коренного населения по своему поведению, образу жизни, внешнему виду и т. д. <...> Главное в определении мигрантов — их культурное отличие от петербуржцев и россиян» [там же].

На наш взгляд, подобное обращение к респондентам априори формирует у последних представления о «культурной чуждости» мигрантов, причем якобы проявляющейся не только визуально, но и на уровне поведения и образа жизни. О наличии/отсутствии таких различий желательно судить на основе личного опыта общения. Однако подобные приведенной преамбуле утверждения, по сути, замещают в сознании респондента основанные на личном опыте представления закрепляющими культурные границы стереотипами. Словосочетание «коренное население» также несет в себе потенциал конфликтогенной стереотипизации.

В нашем опросе в качестве «объекта оценивания» респондентам было решено не предлагать «мигрантов» как термин, сильно нагруженный негативом усилиями российских СМИ. Кроме того, каждый участник опроса может понимать под «мигрантами» весьма разные категории людей. При формулировке вопросов было выбрано нейтральное словосочетание «люди, приехавшие из...», определяемое опять же через перечисление конкретных стран и регионов: Закавказье — Армения, Азербайджан, Грузия; Центральная Азия — Киргизия, Узбекистан, Таджикистан; Северный Кавказ — Чечня, Дагестан.

Кроме того, чтобы избежать возможного ассоциирования «людей, приехавших из...», не с «видимыми другими», а, к примеру, с переезжающими в Россию из Киргизии или Узбекистана русскими, в преамбуле к анкете были перечислены интересующие нас этнические группы из названных стран, а также в широких пределах было указано время (советский и постсоветский периоды) и цели их переезда в Россию (для постоянного проживания или временного трудоустройства).

На наш взгляд, подобные формулировки при объяснении респондентам целей и объекта исследования хотя бы частично заглушают негативный «шум» о миграции и мигрантах, которым отличается существующая в России информационная среда.

Москвичи и «видимые другие»: основные контактные зоны

Контакты в семейной сфере

Многолетние исследования контактов показывают, что сфера семейных отношений остается самой приватной и характеризуется максимальной социальной дистанцией. Это относится и к России. Так, в обследовании «Левада-Центра»⁵ 2020 г. наименьшая степень готовности отмечается в отношении приема в семью представителей этнических меньшинств, при этом евреи и украинцы более предпочтительны в роли потенциальных членов семьи. Далее с большим отрывом и практически на одном уровне располагаются ответы, касающиеся китайцев, выходцев из Африки, Центральной Азии, цыган и чеченцев⁶.

По данным нашего опроса, практически у каждого пятого респондента среди членов семьи есть те, кто состоит (или состоял) в браке с людьми, приехавшими из стран Закавказья, Центральной Азии, республик Северного Кавказа. Наиболее распространен брак с выходцами из Армении, далее с заметным отставанием упоминаются браки с приехавшими из Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Дагестана, Таджикистана, Чечни. Почти в десять раз реже, чем в случае с Арменией, сообщается о браках с мигрантами из Киргизии.

Размер социальной дистанции в сфере семейных отношений у всех респондентов, а не только у тех, кто имеет родственников из изучаемых регионов, помогает выявить анализ ответов на проективные вопросы. В частности, был задан вопрос об отношении к тому, что кто-то из членов семьи захочет вступить в брак с приезжим из Закавказья, Центральной Азии или Северного Кавказа. Наименьшая дистанция была выявлена по отношению к мигрантам из Армении и Грузии. Приезжие из остальных стран и регионов оказались в меньшей степени приемлемы в качестве потенциальных родственников. Аутсайдерами выглядят такие регионы, как Таджикистан, Чечня, Узбекистан и Киргизия (см. табл. 1).

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос «Как Вы отнесетесь к ситуации, если кто-то из членов Вашей семьи захочет вступить в брак с человеком, приехавшим из перечисленных ниже стран и республик?», в % (N = 452)**

Страны и регионы	Положительно	Скорее положительно	Нейтрально	Скорее отрицательно	Отрицательно	Всего
Армения	3,1	6,0	47,5	23,9	19,5	100
Азербайджан	1,8	3,3	39,3	28,8	26,8	100
Грузия	2,4	6,0	47,6	24,8	19,2	100
Киргизия	1,5	2,7	37,4	30,5	27,9	100
Узбекистан	1,8	2,9	36,7	31,2	27,4	100
Таджикистан	2,2	3,1	33,6	31,9	29,2	100
Чечня	2,0	2,7	36,2	29,9	29,2	100
Дагестан	2,0	3,3	38,3	27,0	29,4	100

⁵ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранным агентом».

⁶ Ксенофобия и национализм // Левада-Центр. 2020. 23 сентября. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/print/> (дата обращения: 10.02.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранным агентом»).

В сравнительной перспективе можно констатировать, что позиция жителей Москвы по отношению к возможности брака своих детей или ближайших родственников с приезжими из изучаемых регионов за последние годы смягчилась. По данным вышеупомянутого опроса РОМИР, если в 2013 г. против браков с приезжими из Армении высказались 53,7% опрошенных москвичей, то в 2020 г. — 43,4%. Негативный настрой по отношению к возможному браку детей/родственников с приезжими из Чечни продемонстрировали 58,5% респондентов в 2013 г. и 53,9% в 2020 г., из Таджикистана — 60% в 2013 г. и 54,7% — в 2020 г.

Контакты в сфере дружеских отношений

Для понимания форм и масштабов взаимодействия москвичей с «видимыми другими» очень важна сфера дружеских контактов, которая свидетельствует об общении не формально-публичного характера, в определенном смысле вынужденном, а об отношениях, являющихся результатом добровольного выбора и индивидуальных предпочтений. Об особой роли дружеских контактов в улучшении отношения к мигрантам неоднократно говорили западные ученые. Так, по результатам опроса жителей четырех стран — ФРГ, Великобритании, Нидерландов и Франции, наиболее надежным предиктором снижения неприязни к членам этнических аут-групп (*outgroup*) являются, на фоне различных контактов (общение на работе, соседство, дружба), именно дружеские отношения [Hamberger, Hewstone, 1997; Bevelander, Otterbeck, 2010].

В какой мере москвичи вовлечены в дружеские отношения с приезжими из изучаемых стран? Большинство респондентов имеют друзей, и примерно половина из них ответили, что среди их друзей есть те, кто приехал в Москву из названных регионов. Большая часть ответивших имеет друзей из Армении. Можно также отметить, что своего рода аутсайдером является Чечня, приезжие из которой реже всего назывались в качестве друзей. Между остальными странами и республиками сложно провести статистически значимое различие. Наиболее активны с точки зрения наличия друзей различного происхождения молодежь в возрасте 18—24 лет и представители средней возрастной когорты от 25 до 44 лет, среди которых примерно треть ответили, что имеют друзей из рассматриваемых регионов (см. табл. 2). Этот результат можно объяснить более активной социальной жизнью, большим количеством сфер, где может произойти персональное взаимодействие людей в таком возрасте.

В группе респондентов, имеющих друзей из изучаемых стран и республик, активное дружеское общение (контакты каждый день или каждую неделю) характерно примерно для трети опрошенных. У остальных частота контактов варьирует от одного раза в месяц до одного раза в несколько месяцев. Наиболее распространенной формой взаимодействия оказываются телефонные разговоры или общение в мессенджерах, затем следуют различного рода встречи (от совместных прогулок до посещения кафе и ресторанов), совместный досуг, общение на работе. Хотя опрос проводился в период пандемии, когда в силу объективных причин живые контакты многих людей были ограничены, представляется, что данное распределение будет характерно и для времени без эпидемиологических ограничений. В целом респонденты, имеющие друзей из стран Закавказья (за исключением

Армении), Центральной Азии и республик Северного Кавказа и поддерживающие с ними регулярные контакты, составляют немногим более десятой части имеющих друзей участников опроса.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Среди Ваших друзей есть те, кто приехал в Москву из перечисленных ниже республик и стран?» (любое число ответов), в % (N = 452)

Страны и регионы	Возраст				В среднем
	18—24 (N = 31)	25—44 (N = 173)	45—59 (N = 117)	60 и старше (N = 131)	
Армения	25,8	33,7	23,3	18,0	25,7
Азербайджан	19,4	16,3	12,9	13,3	14,6
Грузия	32,3	21,5	10,3	14,1	17,0
Киргизия	16,1	12,8	11,2	7,8	11,1
Узбекистан	25,8	16,9	18,1	10,2	15,7
Таджикистан	19,4	14,0	12,9	5,5	11,5
Чечня	16,1	11,6	8,6	3,1	8,6
Дагестан	29,0	20,3	13,8	4,7	14,6
У меня нет друзей, приехавших из этих стран и республик	35,5	36,6	54,3	61,7	47,8
У меня вообще нет друзей	0	0,6	0,9	2,3	1,1

Сравнение данных всероссийского опроса 2019 г. [Щеголькова, 2020] и нашего исследования на основе имеющихся данных затруднено. На первый взгляд, москвичи демонстрируют весьма низкую склонность к дружеским контактам с «видимыми другими». В самом деле, 70 % респондентов по общероссийской выборке, готовых принять в качестве близкого друга человека другой национальности, резко контрастируют с той небольшой долей москвичей (от 8 % до 25 % в зависимости от региона/страны), которые имеют друзей среди людей, приехавших из этих регионов и представляющих их титульные этнические группы.

Но не будем торопиться с выводами. Во-первых, формулировка в общероссийском опросе имеет проективное значение и не может быть корректно сопоставлена с ответами на вопрос о фактическом наличии друзей. Во-вторых, что важнее, сама эта формулировка затемняет ситуацию с готовностью людей к дружеским контактам: «Вы бы согласились или не согласились, чтобы человек другой, отличной от Вашей национальности, стал вашим близким другом?» [там же: 510]. По сути, речь идет не о перечисленных в нашей анкете определенных этнических группах из конкретных регионов исхода, а о человеке неопределенной национальности, параметры которой предлагается домыслить самому респонденту. В каком направлении развернется его/ее ассоциация, непонятно, поэтому, на наш взгляд, результаты ответов на подобный вопрос вообще не могут быть содержательно интерпретированы.

Учитывая представленные соображения, полученная нами информация о наличии у москвичей друзей из стран Закавказья, Центральной Азии и из республик Северного Кавказа нуждается в дальнейшем отслеживании, но выглядит

достаточно оптимистично. Этот вывод поддерживают близкие по смыслу данные об отношении респондентов к дружбе своих детей или внуков со сверстниками, представляющими «видимых других». Примерно две трети наших респондентов, имеющих детей или внуков школьного возраста, не возражали бы против дружбы последних с детьми из рассматриваемых стран/регионов. Еще примерно каждый четвертый не был бы против этого при условии, что семья приезжих окажется близка семье респондента по уровню образования или социальному статусу. Негативное отношение выразил примерно каждый седьмой участник опроса.

В качестве предварительного вывода можно отметить, что ситуация с развитием дружеских контактов москвичей с приезжими находится на переходном этапе. Если судить по нашему опросу, большинство жителей Москвы, не обладая собственными многочисленными контактами с приезжими, считают, что следующие поколения будут более открытыми для такого рода взаимодействий. И реальные, и проективные контакты с приезжими сильно дифференцированы в зависимости от региона/страны исхода.

Контакты между соседями

При изучении социального взаимодействия между соседями на уровне городских домов и микрорайонов чаще всего обсуждается характер связи между составом населения и отношениями между жителями (включая восприятие последними иммигрантов). В научной литературе можно найти противоположные суждения по этому поводу: первое заключается в том, что чем разнообразнее в этнокультурном смысле состав населения (микро)района, тем благоприятнее отношения между мигрантами и принимающим сообществом [Pratsinakis et al., 2017], а другое — в том, что с ростом этнического разнообразия более вероятно снижение активности в сфере социальных контактов [Eisnecker, 2019].

Свою роль играет и количество приезжих, точнее — их доля в численности жителей района. Предполагается, что только умеренное число иммигрантов оказывает положительное влияние на характер соседских отношений [Gorodzeisky, Semyonov, 2020; Pratsinakis et al., 2017]. В то же время пример некоторых европейских городов показывает, что хотя такие отношения важны в первую очередь для социализации мигрантов, их роль в развитии прочных межэтнических связей ограничена, поскольку повседневное соседское общение сложно перевести в близкие отношения или дружбу, особенно когда этническая дифференциация совпадает с классовой [Pratsinakis et al., 2017].

Согласно всероссийскому опросу (лето 2020 г.), проведенному с использованием шкалы Богардуса, наиболее позитивно респонденты отнеслись к перспективе соседства с евреями (13%) и украинцами (11%). Остальные попавшие в фокус исследования этнические и расовые «другие» (китайцы, цыгане, чеченцы, выходцы из Африки и Центральной Азии) вызвали у опрошенных максимальное отторжение в качестве возможных соседей⁷. Подбор этнических «других» организаторами опроса вызывает вопросы, хотя и демонстрирует определенную

⁷ Ксенофобия и национализм // Левада-Центр. 2020. 23 сентября. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/print/> (дата обращения: 10.02.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

иерархию массового восприятия принимающим населением представителей различных этнических и расовых групп.

Более содержательными нам представляются результаты исследования соседских отношений в Москве, проведенного Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 2014 г.⁸ Данные опроса свидетельствуют о востребованности соседского общения, несмотря на склонность жителей мегаполиса к изоляционизму. Горожане в целом достаточно хорошо знали своих соседей, были информированы о том, откуда они родом и какой национальности. Около 45 % участников опроса поддерживали отношения с соседями из республик Северного Кавказа, 40 % — с приехавшими из стран Закавказья и 22 % — с соседями из Центральной Азии. Примерно для трети опрошенных было важно, какой национальности их сосед. Две трети респондентов ответили, что в их дворе проживают представители народов Закавказья, и отрицательно к этому факту относились около 20 % имеющих таких соседей; у 44 % участников опроса соседями по двору оказались выходцы из Центральной Азии (четверть была недовольна таким соседством). Наконец, у пятой части респондентов соседями по двору были приезжие с Северного Кавказа (и здесь четверть опрошенных с такими соседями были недовольны данным фактом). Среди людей, не имеющих подобных соседей, примерно каждый пятый высказал отрицательное отношение к возможному соседству с выходцами из Закавказья и Центральной Азии, и каждый четвертый — к соседству с приезжими из республик Северного Кавказа.

В нашу анкету также были включены несколько вопросов, направленных на выявление частоты соседских контактов москвичей с приезжими и их отношения к этим контактам. Чуть более половины опрошенных отметили, что среди их соседей по подъезду и этажу есть приезжие из стран Закавказья, Центральной Азии и республик Северного Кавказа.

Такие независимые переменные, как параметры материального благосостояния, образование и возраст, практически не влияют на способность респондентов «замечать» среди соседей людей из интересующих нас стран и регионов. Однако можно предположить, что некоторые из этих переменных (показателей) оказывают влияние на характер взаимодействия с такими соседями. Так, их имена знали 41,2 % из тех, кто «скорее доволен своим материальным положением», четверть тех, кто им «скорее недоволен», притом что в среднем по выборке доля назвавших имена составила треть. Положительно на этот вопрос ответили чуть более трети тех, кто является «бюджетником» (согласно данным опроса, они чаще более позитивно оценивают уровень своего благосостояния по сравнению, например, с работающими в частных компаниях и с самозанятыми).

Большинство наших респондентов ограничиваются «пассивным соседством». Каждый день общаются с живущими рядом приезжими из интересующих нас стран и регионов 8,2 %, каждую неделю — 27,2 %; 16,7 % общаются примерно раз в месяц, остальные (47,8 %) раз в несколько месяцев или практически не контактируют. Несколько более «пассивны» респонденты при обращении к таким соседям с бытовыми просьбами: только 5 % из тех, кто общается с ними, «часто» обращается к ним с бытовыми просьбами, 38,5 % — каждую неделю, а немногим

⁸ (Добро)соседство в Москве. Поддерживаются ли в Москве добрососедские отношения между людьми разных национальностей? // ФОМ. 2015. 5 февраля. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11937> (дата обращения: 10.02.2021).

более половины (55,3 %) не обращается вообще. Примерно такое же распределение наблюдается в ответах на вопрос о частоте аналогичных обращений к москвичам со стороны соседей, приехавших из Закавказья, Центральной Азии и республик Северного Кавказа.

Полученные данные о бытовом общении свидетельствуют о взаимодействии не слишком интенсивном (чего трудно было бы ожидать от жителей мегаполиса), но все же регулярном и симметричном. В то же время оно свойственно разным в материальном отношении группам респондентов в разной степени. Так, из тех, кто «скорее доволен» своим материальным положением, не обращаются к этим соседям с просьбами 42,3 %, а из тех, кто «скорее недоволен» — 68,4 %.

По данным нашего опроса, лишь около 7 % респондентов в качестве самых нежелательных соседей назвали приезжих из стран Закавказья, Центральной Азии и автономий Северного Кавказа. Чаще всего в такой роли выступают в первую очередь наркоманы и алкоголики. На наш взгляд, это свидетельствует об отсутствии у большинства респондентов устойчивого неприятия представителей интересующих нас регионов в качестве соседей. Повышенная степень негативных эмоций в их адрес со стороны некоторых категорий опрошенных вызвана, скорее всего, особенностями их мировосприятия и коммуникативными особенностями.

На этом фоне вполне ожидаемо выглядит реакция опрошенных на проективные вопросы о соседстве. Большинство ответили, что положительно отнесутся к тому, что их соседями по подъезду станут люди, приехавшие из стран Закавказья, Центральной Азии, республик Северного Кавказа. Масштабы негативизма варьируют от 18,4 % (в отношении приезжих из Армении) до 42 % (выходцы из Чечни в качестве соседей). Негативная реакция на возможное соседство с людьми, приехавшими из стран Центральной Азии, располагается посередине этой своеобразной «шкалы неприятия». Наименее комфортными соседями названы приезжие из регионов Северного Кавказа.

Исходя из представленных данных, остается надеяться, что нейтральное отношение большинства москвичей к приезжим из наиболее «проблемных» регионов (с точки зрения провоцирования ксенофобии в местах вселения) станет основой как для расширения контактов, так и для сохранения доброжелательного отношения к вновь приехавшим соседям. Но этого не произойдет просто по мере накопления объема соседских контактов. Часть жителей, особенно пенсионеры и люди с заниженной оценкой своего материального статуса, по-прежнему будут стараться «не замечать» некоторых своих соседей, оставаясь с ними в отношениях формального соприсутствия: рядом, но не вместе.

Контакты в социально-трудовой сфере

В целом социологические исследования указывают на противоречия между личными интересами жителей столицы и их взглядами как социальной общности. С одной стороны, достаточно распространено представление о конкуренции мигрантов и местного населения за рабочие места⁹. По данным нашего опроса,

⁹ Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в городе Москве о соблюдении и защите прав, свобод человека и гражданина в 2013 г. М., 2014. URL: http://ombudsman.mos.ru/user/docs/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%BO%D0%B4_2013%D0%B3.pdf (дата обращения: 15.04.2022).

такого рода оценка миграции весьма популярна: немногим более половины опрошенных отметили, что работодателям выгоднее брать приезжих на работу, поскольку «они готовы трудиться за скромное вознаграждение». В то же время, несмотря на подобные оценки, труд мигрантов востребован местными жителями, например, в сфере частного найма.

В социальной сфере значительная часть контактов горожан с мигрантами приходится в первую очередь на сферу услуг (городской транспорт, ЖКХ и торговля) [Соколов, 2017: 85], где местные жители выступают либо как коллеги мигрантов, либо как потребители услуг, предоставляемых последними. Представление о том, что мигранты трудятся прежде всего именно в этих отраслях, поддерживается и СМИ [Якимова, 2020; Ивлева, Тавровский, 2019].

По данным исследования в Санкт-Петербурге, в 2010 г. к найму мигрантов для удовлетворения частных нужд прибегало каждое пятое, а в 2016 г. — каждое четвертое домохозяйство [Соколов, 2017: 89]. Качество выполнения мигрантами строительных, ремонтных и хозяйственных работ в сфере частного найма положительно оценивали 56% опрошенных в 2010 г. и 72,4% в 2016 г.

Согласно нашему опросу, за последние три года труд людей, приехавших из стран Закавказья, Центральной Азии или республик Северного Кавказа, использовали 42,9% респондентов. Наиболее востребованы услуги по ремонту квартиры или дачи (48,9%). Треть опрошенных привлекали труд мигрантов для работы на дачном участке и примерно каждый десятый — для домашней работы (в качестве няни, сиделки, домработницы).

Показатели оценки качества выполнения этих услуг сопоставимы с данными, полученными в Санкт-Петербурге. Совокупная оценка «очень хорошо» и «скорее хорошо» в Санкт-Петербурге в 2016 г. составила 72,4% [там же], а в Москве в 2020 г. — 75,2%. Различие состоит в том, что меньше москвичей дали максимальную оценку «очень хорошо» (10,3%), в отличие от 25,1% петербуржцев.

Довольно высокая востребованность труда мигрантов москвичами подтверждается и тем, что более половины участников опроса ответили, что при необходимости воспользуются услугами людей, приехавших из стран Закавказья, Центральной Азии или с Северного Кавказа для ремонта квартиры, дачи, для работы на дачном участке и пр. Более осторожно опрошенные относятся к перспективе привлечения мигрантов для работы в семье (в качестве няни, сиделки и др.). Такую возможность допускает около четверти респондентов. Это вполне объяснимо, ведь постоянное присутствие другого человека в доме означает меньшую дистанцию, чем временные работы по ремонту и строительству. Кроме того, можно предположить, что за почти два десятилетия активной внешней трудовой миграции в Россию/Москву возник своего рода накопительный эффект с точки зрения как восприятия, так и квалификационных навыков ремонтников. Сейчас использовать труд мигрантов в частном порядке для россиян более привычно, чем десять лет назад.

Сфера трудовых отношений рядовому горожанину представляет больше возможностей межличностного общения, чем пространство частного найма. В то же время, согласно ряду исследований, между занятостью и характером отношений с мигрантами нет четкой причинно-следственной связи. Наличие профессиональ-

ных контактов не предполагает их автоматического превращения в более близкие отношения; установление более тесного контакта на рабочем месте скорее зависит от содержания работы и от совпадения профессиональных статусов и интересов [Kanas, van Tubergen, van der Lippe, 2011; Kokkonen, Esaïasson, Gilljam, 2015].

В среднем около трети участников нашего опроса ответили, что у них есть коллеги из стран Закавказья, Центральной Азии и республик Северного Кавказа. В Санкт-Петербурге этот показатель также составлял примерно треть жителей города [Соколов, 2017: 89]. Данная пропорция, видимо, отражает историю интеграции выходцев из соответствующих регионов в рынок труда двух столиц.

Большинство опрошенных всех возрастных и социальных групп считают, что приезжие в целом «работают не хуже и не лучше, чем остальные», идет ли речь о работе дворников, использовании платных услуг в домашнем хозяйстве или эффективности коллег. Однако ответы на вопросы проективного характера выявили несколько иные тенденции.

Во-первых, если судить по доле негативных ответов респондентов на вопрос «Как Вы отнесетесь к ситуации, если Вам придется работать под руководством человека, приехавшего из стран Закавказья, Центральной Азии, республик Северного Кавказа?», то ясно видна зависимость реакции респондента от страны происхождения потенциального начальника. Рассматривая предложенную гипотетическую ситуацию, люди видят прежде всего представителя того или иного региона, а не производственную единицу или позицию внутри корпоративной иерархии, ведь профессиональные компетенции руководителя-чеченца вряд ли будут заметно отличаться от компетенций руководителя-армянина или киргиза. Несмотря на то, что доля «нейтральных» ответов высока, она не всегда доминирует.

Минимальная доля негативных ответов на этот вопрос относится к людям, приехавшим из Армении и Грузии (примерно треть). Между остальными странами и республиками сложно провести различие (в среднем отрицательно относится примерно половина ответивших). Это мнение людей со средним специальным образованием. Ответы респондентов с высшим образованием отражают их несколько более позитивное отношение к работе под началом приезжих руководителей, за исключением Чечни, относительно выходцев из которой позиции людей с высшим и средним специальным образованием совпадают. Также нужно отметить, что уровень негативизма в отношении руководителя из Центральной Азии у людей с высшим образованием незначительно, но ниже по сравнению с мнением тех, у кого оно среднее специальное. Можно допустить, что более высокий уровень образования положительно влияет на возможность новых контактов в трудовой сфере.

Ответы на вопрос «Как Вы отнесетесь к ситуации, если большинство Ваших коллег окажется приезжими из...?» показывают, что уровень негативного отношения к коллегам из названных стран/республик заметно выше, чем отношения к вероятному руководителю из тех же регионов. Наконец, респонденты воспринимают совместную работу с коллегами из Центральной Азии (в среднем половина негативных ответов) как менее желательную, чем с приезжими из Армении и Грузии, но более приемлемую, чем с людьми из Азербайджана, Дагестана и Чечни.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что респонденты воспринимают потенциальных коллег из соответствующих регионов не как носителей профес-

сиональных качеств, а как доминирующую группу «чужих», с которыми им придется иметь дело. И группа выходцев из «кавказских» регионов представляется им несколько менее комфортной, чем выходцы из Центральной Азии. Об этом же свидетельствует тот факт, что более высокий уровень образования не снизил уровень тревожности, то есть предполагаемый повышенный объем знаний неэффективен в преодолении бытовых представлений, рожденных вне сферы профессиональных интересов.

В целом наиболее заметное влияние на степень готовности принять в качестве руководителей и коллег приезжих из выбранных стран и регионов оказывает материальный фактор. Имеется в виду оценка своего материального благосостояния и степень удовлетворенности им. О значимой роли субъективно оцениваемого и объективного материального положения говорят результаты ряда других исследований [Дробжижева, 2015; Щеголькова, 2020; Кузнецов, 2017; Kanas et al., 2011; Ford, Mellon, 2019; Heath et al., 2019]. Их основной вывод состоит в следующем: чем ниже люди оценивают уровень своего материального благосостояния, тем чаще они, особенно в сравнении с людьми более высокого достатка, противятся контактам с выходцами из регионов, отличных от них с этнокультурной и расовой точек зрения, и вообще более негативно относятся к приезжим и к миграции в целом.

Ответы на вопросы о «рабочих контактах» говорят также о том, что здесь в основе установок на общение лежит не рационально осмысленный положительный опыт предшествующих производственных взаимодействий или использования услуг мигрантов, а общий эмоциональный настрой, сформировавшийся у респондента под воздействием различных внешних обстоятельств, включая доминирующую тональность материалов о приезжих в СМИ или мнение окружающих.

Заключение

В статье рассмотрены основные сферы взаимодействия москвичей с приезжими из стран Центральной Азии и Закавказья, республик Северного Кавказа. Результаты нашего исследования еще раз подтвердили эффективность шкалы социальной дистанции для изучения отношения населения к мигрантам. И, хотя этот вывод не нов для отечественных социальных исследований взаимодействия местных жителей и приезжих, отличие нашей работы состоит в сравнении отношения жителей столицы как к реальным, так и к проективным контактам с мигрантами в профессиональной сфере, в рамках соседства, дружеских и семейных отношений.

Анализ данных опроса демонстрирует, что москвичи довольно активно взаимодействуют с мигрантами. Тем не менее наименьшее число контактов с приезжими допускается в семейной сфере; затем следуют сфера социально-трудовых отношений; взаимодействие по поводу найма мигрантов для ремонтных, строительных, дачных работ, для помощи в домашнем хозяйстве; дружеская сфера. Более всего общение с приезжими заметно в сфере соседства.

Наибольшая социальная дистанция и в реальных, и в вероятностных контактах характерна для семейной сферы. Причем опыт реального общения здесь не предполагает, по нашим результатам, однозначно положительной оценки возможности

подобного взаимодействия в будущем: почти пятая часть респондентов имеет среди членов своей семьи тех, кто состоит (или состоял) в браке с мигрантами, но положительно к возникновению такой ситуации в будущем относятся не более одной десятой опрошенных. На втором месте оказалась работа в коллективе с преобладанием мигрантов. Затем, практически на таком же уровне — работа под руководством человека, приехавшего из республик Северного Кавказа, стран Закавказья и Центральной Азии. Далее располагаются оценки ситуации, когда в одном классе с детьми или внуками респондентов будут обучаться дети мигрантов. Наименьшая социальная дистанция отличает возможное соседство с мигрантами.

Реальное и вероятностное общение, согласно данным опроса, в ряде случаев связаны, но есть исключения. Так, разные формы общения с мигрантами, хотя и с некоторыми оговорками, но делают восприятие последних со стороны принимающего сообщества более толерантным. Об этом свидетельствуют ответы, раскрывающие отношение к перспективе работы в коллективе с преобладанием мигрантов, к возможности появления мигрантов в качестве соседей, а также ответы, в которых респонденты оценивали положительные и отрицательные стороны миграции. На отношение к вероятным контактам москвичей с «видимыми другими» также влияет страна происхождения последних. Наиболее позитивно оцениваются отношения (во всех сферах) с приезжими из Армении и Грузии.

Что касается взаимодействия москвичей и мигрантов в сфере трудовых отношений, большинство участников опроса отметили важность вклада приезжих в экономику города, однако при этом последние не воспринимаются как равноценные субъекты контакта. Несмотря на то, что качество выполняемых приезжими услуг и эффективность их работы в целом оцениваются положительно, это мало влияет на готовность воспринимать их в качестве равноценных по уровню квалификации руководителей и сотрудников. Они по-прежнему видятся преимущественно в качестве исполнителей и «представителей» регионов происхождения.

Особо хочется обратить внимание на еще один важный результат исследования: готовность/желание москвичей работать вместе с людьми, приехавшими из других стран и регионов, выражена слабее, чем готовность иметь ближайших соседей-мигрантов. Между тем соседское взаимодействие в классической интерпретации шкалы Богардуса находится на втором после семейной сферы месте, а сфера профессиональных отношений — на третьем. Наши данные подтверждают результаты других российских исследований [Щеголькова, 2020]¹⁰, согласно которым на втором месте по степени отчужденности/близости также находятся не соседи, а коллеги. Это отклонение от классической шкалы можно объяснить особенностями образа жизни в мегаполисе, где соседство не предполагает особой близости, как, вероятно, это было во время создания шкалы в 1920-е годы в иных городских контекстах.

Таким образом, несмотря на наличие выявленных в исследовании социальных сфер, в которых взаимодействие с иноэтничными мигрантами происходит наи-

¹⁰ См. также: Ксенофобия и национализм // Левада-Центр. 2020. 23 сентября. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/print/> (дата обращения: 10.02.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

более интенсивно, сам факт наличия и даже активизации формальных контактов не будет вызывать расширения благоприятных возможностей для углубления интеграции приезжих в московский социум. Это объясняется тем, что взаимодействие может интерпретироваться принимающим населением сквозь призму существующих, не всегда благожелательных, представлений о приезжих, а использование их труда не сопровождается вниманием к ним как личностям, интересным вне потребительской «прагматики».

Чтобы изменить ситуацию, государственным и общественным институтам, органам городского самоуправления нужно прилагать специальные усилия по «очеловечиванию», «персонификации» тех сфер занятости, в которых активно задействованы приезжие. Это необходимо делать путем распространения в публичном пространстве информации о людях, работающих в этих сферах, причем не как об анонимных низкооплачиваемых исполнителях, а как о личностях, индивидуальные качества которых могут быть интересны окружающим, а труд — очень нужен городу.

Хотя представленные в статье результаты вносят свой вклад в современные социальные исследования особенностей и трудностей взаимодействия местных жителей и приезжих, они имеют свои ограничения. Во-первых, можно предположить, что в других российских городах и регионах есть своя специфика, поэтому наши выводы могут стать стимулом для сравнительных исследований. Во-вторых, к изучению такой сложной проблемы, как взаимодействие мигрантов с принимающим населением, следует подходить комплексно — выводы, сделанные на основе количественных методов, следует дополнить анализом качественной социологической информации.

Список литературы (References)

Бритвина И. Б., Могильчак Е. Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 114—134. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>.

Britvina I. B., Mogilchak E. L. (2018) The Typology of Citizens of a Russian Megapolis According to their Attitudes to Migrants of Different Ethnicities. *Universe of Russia*. Vol. 27. No. 1. P. 114—134. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>. (In Russ.)

Варшавер Е. А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183—214. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1134/900> (дата обращения: 17.04.2022).

Varshaver E. A. (2015) Contact Theory: A Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 183—214. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1134/900> (accessed: 17.04.2022). (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225—253. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2020/06/29/1609584343/SocOboz_19_2_225-253_Varshaver_et_al.pdf (дата обращения: 17.04.2022).

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. (2020) Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 2. P. 225—253. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2020/06/29/1609584343/SocOboz_19_2_225-253_Varshaver_et_al.pdf (accessed: 17.04.2022). (In Russ.)

Дробижева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80—90.

Drobizheva L. M. (2015) The Potential of Interethnic Consent. Comprehension of the Concept and Social Practice in Moscow. *Sociological Studies*. No. 11. P. 80—90. (In Russ.)

Зверева Н. Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы за значение // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 88—96.

Zvereva N. (2014) Discourse on Migrants in the Contemporary Russian Media: Strategies of Struggle for the Meaning. *New Literary Observer*. No. 4. P. 88—96. (In Russ.)

Ивлева И. В., Тавровский А. В. Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа // Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 149—165. <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>.

Ivleva I., Tavrovskiy A. (2019) The Representation of Labour Migrants in the Russian Media. *Ethnographic Review*. No. 1. P. 149—165. <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>. (In Russ.)

Козлова М. А. «Гости столицы» в глазах москвичей: моральное обоснование оценок миграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 3. С. 110—122.

Kozlova M. A. (2015) «Guests of the Capital» in the Eyes of Muscovites: Moral Reasoning of Attitudes Towards Migration. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XVIII. No. 3. P. 110—122. (In Russ.)

Кузнецов И. М. Характеристика межнациональных установок как фактор восприятия текущей межнациональной ситуации // Социальные факторы межэтнической напряженности в России / отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 79—111.

Kuznetsov I. M. (2017) Characteristics of Interethnic Attitudes as a Factor of the Perception of the Current Interethnic Situation. In: Epikhina Yu. B., Chernysh M. F. (eds.) *Social Factors of Interethnic Tension in Russia*. Moscow: FCTAS RAS. P. 79—111. (In Russ.)

Мукомель В. И. Ксенофобия: этнофобии и мигрантофобии принимающего населения // Социальные факторы межэтнической напряженности в России / отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 146—196.

Mukomel V. I. (2017) Xenophobia: Ethnophobia and Migrantophobia of the Host Population. Social Factors of Interethnic Tension in Russia. In: Epikhina Yu. B., Chernysh M. F. (eds.) *Social Factors of Interethnic Tension in Russia*. Moscow: FCTAS RAS. P. 146—196. (In Russ.)

Нам И. В., Карагеоргий Е. М., Ермолова А. И., Никитина Е. В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 166—192.

Nam I. V., Karageorgiy E. M., Ermolova A. I., Nikitina E. V. (2017) the Image of Labour Migrants Constructed by the Mass Media: The Case of Tomsk. *Siberian Historical Research*. No. 1. P. 166—192 (In Russ.)

Некрасов С. И. Сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов (на примере анкет разной сложности) // Социология: 4М. 2011. № 32. С. 53—74.

Nekrasov S. I. (2011) An Experimental Comparison of Online- and Offline Survey Data: A Case of Questionnaires with Different Level of Difficulty. *Sociology: 4M*. No. 32. P. 53—74. (In Russ.)

Пешкова В. М. Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 61—79. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.05>.

Peshkova V. M. (2017) Diaspora Discourses in Contemporary Russian Federal Press. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 61—79. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.05>. (In Russ.)

Соколов Н. В. Работящие, но чужие: парадокс восприятия мигрантов массовым сознанием (по результатам исследований в Санкт-Петербурге) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 80—96. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.06>.

Sokolov N. V. (2017) Hard-Working but Outsiders: Paradox of Perception of Migrants in Mass Consciousness (the Case of St. Petersburg). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 80—96. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.06>. (In Russ.)

Шкурин Д. В. Сравнительная оценка качества данных офлайн- и онлайн-опросов // Дискуссия. 2015. № 8. С. 101—104.

Shkurin D. V. (2015) Comparative Estimate of Quality of the Data Received Through Offline- and Online-Surveys. *Diskussiya*. No. 8. P. 101—104. (In Russ.)

Щеголькова Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 499—520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>.

Shchegolkova E. Yu. (2020) Interethnic Relations in the Assessments of Russians: A Sociological Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 499—520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>. (In Russ.)

Якимова О. А. Репрезентация мигрантов в российских масс-медиа и ее динамика (2010—2020 гг.) // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 4. С. 22—40. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40>.

Iakimova O. (2020) Representation of Migrants in the Russian Mass Media and its Dynamics (2010—2020). *Siberian Socium*. Vol. 4. No. 4. P. 22—40. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40>. (In Russ.)

Allport G. W. (1954) *The Nature of Prejudice*. Boston, MA: Addison-Wesley.

Bevelander P., Otterbeck J. (2010) Young People's Attitudes Towards Muslims in Sweden. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 33. No. 3. P. 404—425. <https://doi.org/10.1080/01419870802346048>.

Böltken F. (2003) Social Distance and Physical Proximity: Day-to-Day Attitudes and Experiences of Foreigners and Germans Living in the Same Residential Areas. In: Alba R., Schmidt P., Wasmer M. (eds.) *Germans or Foreigners? Attitudes Toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany*. New York, NY: Palgrave MacMillan. P. 233—254. <https://doi.org/10.1057/9780230608825>.

Eisnecker P. S. (2019) Non-Migrants' Interethnic Relationships with Migrants: The Role of the Residential Area, the Workplace, and Attitudes Toward Migrants from a Longitudinal Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45. No. 5. P. 800—824. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2017.1394180>.

Escandell X., Ceobanu A. M. (2009) When Contact with Immigrants Matters: Threat, Interethnic Attitudes and Foreign Exclusionism in Spain's Comunidades Autónomas. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 32. No. 1. P. 44—69. <https://doi.org/10.1080/01419870701846924>.

Ford R., Mellon J. (2019) The Skills Premium and the Ethnic Premium: A Cross-National Experiment on European Attitudes to Immigrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 512—532. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1550148>.

Gorodzeisky A., Semyonov M. (2020) Perceptions and Misperceptions: Actual Size, Perceived Size and Opposition to Immigration in European Societies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 612—630. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1550158>.

Green E. GT., Visintin E. P., Sarrasin O. (2018) From Ethnic Group Boundary Demarcation to Deprovincialization: The Interplay of Immigrant Presence and Ideological Climate. *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 59. No. 5—6. P. 383—402. <https://doi.org/10.1177/0020715218801422>.

Hamberger J., Hewstone M. (1997) Inter-Ethnic Contact as a Predictor of Blatant and Subtle Prejudice: Tests of a Model in Four West European Nations. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 36. No. 2. P. 173—190. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1997.tb01126.x>.

Hayes B. C., Dowds L. (2006) Social Contact, Cultural Marginality or Economic Self-Interest? Attitudes Towards Migrants in Northern Ireland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 32. No. 3. P. 455—476. <https://doi.org/10.1080/13691830600554890>.

Heath A., Davidov E., Ford R., Green E., Ramos A., Schmidt P. (2019) Contested Terrain: Explaining Divergent Patterns of Public Opinion Towards Immigration Within Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 475—488. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2019.1550145>.

Kanas A., van Tubergen F., Van der Lippe T. (2011) The Role of Social Contacts in the Employment Status of Immigrants. A Panel Study of Immigrants in Germany. *International Sociology*. Vol. 26. No. 1. P. 95—122. <https://doi.org/10.1177/0268580910380977>.

Kokkonen A., Esaiasson P., Gilljam M. (2015) Diverse Workplaces and Interethnic Friendship Formation — A Multilevel Comparison Across 21 OECD Countries. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 41. No. 2. P. 284—305. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2014.902300>.

Martinović B. (2013) The Inter-Ethnic Contacts of Immigrants and Natives in the Netherlands: A Two-Sided Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 39. No. 1. P. 69—85. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723249>.

Pratsinakis M., Hatziprokopiou P., Labrianidis L., Vogiatzis N. (2017). Living Together in Multi-Ethnic Cities. *Urban Studies*. Vol. 54. No. 1. P. 102—118.

Tropp L. R., Pettigrew T. F. (2005) Relationships Between Intergroup Contact and Prejudice Among Minority and Majority Status Groups. *Psychological Science*. Vol. 16. No. 12. P. 951—957. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2005.01643.x>.

Wark C., Galliher J. F. (2007) Emory Bogardus and the Origins of the Social Distance Scale. *The American Sociologist*. Vol. 38. No. 4. P. 383—395. <https://doi.org/10.1007/s12108-007-9023-9>.